

Глава 118.

В конце концов, у Черныша, когда не было других дел, он занимался выращиванием лекарственных трав и исследованием формаций, складывая одну маленькую формацию на другую. Маленькая иллюзорная формация и маленькая формация ветра и огня уже были идеально совмещены, и при активации устраивали настоящий ужас!

У Черныша не было учителя, и он пошел по своему пути в искусстве формаций, так что даже Чен Сюнь не мог сказать, правильный это путь или нет. Из-за ограниченного количества изученных формаций, Черныш постоянно складывал флаги формаций друг на друга, и в секте он обменивал множество флагов и материалов для формаций.

По обычным законам, количество флагов не должно влиять на работу формации после её установки. Но Черныш, возясь с этим делом более ста лет, нашёл способ усилить эффект формаций, добавляя всё больше флагов. Это позволило ему даже выдержать первую небесную кару при достижении стадии Золотого Ядра.

Чен Сюнь в таких случаях мог только восхищаться: «Гениальный мастер формаций!» - потому что он сам ничего не понимал в этом.

Черныш также идеально использовал технику управления предметами и силу сознания для контроля всех флагов формаций. Действительно, чем больше флагов, тем лучше.

Это создавало сильное давление на Чен Сюня, иногда его задние зубы скрипели от зависти и досады. Хотя он давно видел в Черныше талант к формациям, у него самого был дар к алхимии и покровительство бессмертных и богов, что тоже было немаловажно.

Так прошёл год, и они вложили свои очки бессмертия в увеличение силы.

Рано утром, когда только начинало светать, Чен Сюнь вышел из пещеры, обнажённый по пояс. В руках у него был топор, вены на руках вздулись. Он медленно взмахнул топором, не используя никакой силы, и удар получился слабым и неубедительным.

Черныш, занимаясь своими лекарственными травами, тихо промычал, взглянув на Чен Сюня.

«У меня есть только время и терпение. Я должен использовать самый примитивный метод» — глубоко вздохнув, сказал Чен Сюнь. Солнце поднималось, наполняя его решимостью: «В этом мире культиваторов нет никаких особых техник для владения топором, или мне не удалось их найти»

«Но несмотря ни на что, никакие трудности меня не остановят!» — вдруг закричал Чен Сюнь, размахивая топором перед собой: «Не надо мне говорить о техниках и методах! Просто рубить! Ха!»

Черныш, услышав это из пещеры, тихо смеялся, его живот трясся от смеха. Но внезапно его зрачки сузились – он забыл, что Чен Сюнь всегда тайно использует своё сознание для наблюдения за окружающим пространством!

Черныш задрожал, на его лбу выступил холодный пот. За его спиной появилась огромная тень, как будто бездонная пропасть медленно приближалась.

«Черныш...» — Чен Сюнь медленно улыбнулся, его голос был тёплым, как весенний цветок, а затем внезапно стал грозным, как горный обвал: «Как ты смеешь смеяться надо мной за моей спиной! Я вырву горы с корнями своей силой и величием!»

«Муу!!!» — из пещеры раздался душераздирающий крик. Черныш был поднят в воздух, ноги задрались вверх, и он изо всех сил боролся и кричал.

После четверти часа Черныш стал тихим и покорным, больше не осмеливаясь смеяться. Он вернулся к своим лекарственным травам.

Чен Сюнь продолжил свои утренние тренировки с топором, раз за разом рубя воздух в направлении восходящего солнца, и пока не ощутил никакого прогресса.

В последующие дни их распорядок стал неотъемлемой частью жизни. Чен Сюнь каждое утро тренировался с топором, а Черныш ухаживал за лекарственными травами. Днём Чен Сюнь занимался алхимией, а Черныш изучал формации.

По вечерам они отправлялись на прогулку в город, чтобы расширить свой кругозор и пообщаться с торговцами и странствующими практиками у подножия горы. Они заходили в различные магазины, чтобы прицениться, но ничего не покупали, лишь анализировали цены и делали свои выводы.

Ночью Город Юйсю был особенно оживленным. Многочисленные культиваторы разгуливали по улицам, от тех, кто был на стадии Очистки Ци, смотрящих на будущее с надеждой и тревогой, до мастеров, планирующих будущее мира культиваторов Королевства Цянь.

Группы учеников из разных сект также прогуливались, радуясь обществу друг друга.

Но среди этой толпы часто можно было встретить человека и быка, которые незаметно двигались среди толпы.

Каждый месяц они продавали две бутылки пилюль холодного духа среднего качества, меняя места продажи: иногда в восточной части города, иногда в южной, а иногда даже в северной. Несмотря на потраченное время, для Чен Сюня это был способ избежать лишних проблем.

Одна бутылка, содержащая шесть пилюль, продавалась за высокую цену в триста

низкосортных духовных камней. Это постепенно увеличивало их знания и они подняли свою культивацию до средней стадии Заложения Основ в глазах остальных.

Они однажды пошли в ресторан и потратили двести низкосортных духовных камней на обильный пир. В конце концов, они решили, что это не стоило таких затрат, и в будущем лучше готовить дома.

Удовлетворив своё маленькое желание, Чен Сюнь и Черныш вновь погрузились в работу.

...

Время продолжало идти, смывая старые мысли, как свиток, потерявший магическую силу и исчезнувший без следа.

Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как Чен Сюнь и Черныш прибыли в Город Юйсю. Говорили, что в следующем году состоится столетний фестиваль.

Из-за войны в мире культиваторов время проведения фестиваля было изменено, и теперь Город Юйсю был переполнен. Многие жилища и гостиницы были заняты заранее прибывшими культиваторами из разных стран.

На небесах западной части города часто можно было увидеть огромные воздушные корабли, из которых выходили могучие практики.

Десять главных сект направили множество учеников для поддержания порядка в городе. На аренах в центре города уже начались кровопролитные бои, а также интеллектуальные поединки.

Шум и гам заполнили город, разговоры о предстоящих аукционах, боях и цветочных фестивалях стали обычным делом, делая город более оживленным, чем когда-либо.

Множество культиваторов обсуждали, кто из красавиц Секты Пурпурного Облака или Лунной Башни окажется прекраснее.

В восточной части города, на горе Цинсянь, в отдалённом жилище жёлтого уровня, жизнь продолжалась своим чередом.

Чен Сюнь, по-прежнему обнажённый по пояс, сидел у ручья со скрещёнными ногами. Левая рука была поднята, а перед ним горизонтально лежал его кривой топор. Лицо его было спокойным и умиротворённым.

Казалось, он был полностью погружён в свои мысли, то ли наблюдая за топором, то ли слушая

тихий журчащий звук воды.

Чен Сюнь выглядел как в состоянии глубокой медитации, его облик стал почти эфемерным, словно он вновь оказался перед величием гор и рек, становясь частью природы.

Черныш в пещере смотрел на него широко раскрытыми глазами, без тени насмешки. Он знал, что это была особая форма культивации, которой и он сам иногда предавался. Чен Сюнь начал своё особое путешествие.

В этот момент лёгкий ветерок зашуршал листьями вокруг, они мягко касались лица Чен Сюня, и он начал двигаться. Топор медленно взметнулся в воздух и снова опустился в направлении течения ручья. Движения его были всё такими же медленными и безжизненными, без использования магии и силы.

Но в глазах Черныша Чен Сюнь выглядел совершенно естественно, словно эти движения были самой сутью его природы.

Ручей продолжал журчать, вода нежно колыхалась, будто Чен Сюнь рубил пустоту. Его лицо оставалось спокойным, душа, казалось, сливалась с окружающим миром. Опавшие листья нежно касались его лица, но он не делал лишних движений, позволяя всему идти своим чередом.

Топор продолжал медленно рассекать воздух в направлении течения ручья.

«Муу~» — Черныш всё больше удивлялся, его глаза то широко раскрывались, то моргали, не веря своим глазам. Это было похоже на прогулку по горной тропе, окружённой цветами, деревьями и камнями - всё это было естественно и уместно.

В отличие от странных сцен, где, казалось, что неуместный клан стоял на пути, нарушая естественную гармонию, Чен Сюнь с его топором был частью этой природы, не вызывая никакого диссонанса.

Чем больше Черныш об этом думал, тем более правильным это казалось. После стольких лет вместе с Чен Сюнем, он теперь чувствовал себя вполне культурным.

Сейчас Чен Сюнь, сидящий у ручья и размахивающий топором, казался абсолютно естественным, словно он всегда был здесь.